

Чжэн Чэнвэнь растекся по кровати, безучастно уставившись в пустоту.

Минул ровно год с тех пор, как он «очнулся». Для взрослого мужчины, запертого в теле мальчишки, это время превратилось в сущую пытку бездельем. Он чувствовал, что еще немного — и просто сойдет с ума от скуки.

А дело было вот в чем.

Год назад, пережив классическое падение в воду, он внезапно осознал, что стал тем самым «избранником небес» — попаданцем, ну или, если угодно, перерожденцем. Видимо, в прошлой жизни, когда его прирезали, он так торопился на встречу с новым воплощением, что Мэн По второпях недолила ему добрую половину чаши своего супа забвения.

И вот теперь, когда до естественного конца этой жизни и положенного «просмотра фильма» о былых свершениях оставались еще десятилетия, Чжэн Чэнвэнь, хлебнув речной воды, умудрился заглянуть за занавес прошлого. Вероятно, воспоминания нынешнего воплощения были слишком мимолетны, поэтому мироздание решило подкинуть ему для веса мемуары из жизни предыдущей.

Так он и превратился из обычного сопливого мальчишки в «пай-мальчика», чья рассудительность и послушание вызывали у родителей одновременно умиление и оторопь.

Если бы не тот факт, что он находился в этом теле с самого рождения и сохранил все детские привычки, отец с матерью наверняка решили бы, что их сына во время того несчастного случая подменил какой-нибудь водяной гуй.

«Слава Будде, обошлось без экзорцизма»

Впрочем, на всякий случай Чжэн Чэнвэню пришлось обвеситься кучей амулетов спокойствия и безопасности. Хорошо хоть, его не заставляли пить ту странную жижу из пепла сожженных заклинаний, которой иногда потчуют «одержимых» в деревнях.

Вернемся к сути. Первые полгода после внезапного прозрения Чжэн Чэнвэнь пребывал в полнейшем ступоре. Лишь спустя время, привыкнув к новым родителям, он смирился с тем, что его прошлая жизнь окончена, а сам он переродился ребенком в каком-то вымышленном древнем государстве.

«В прошлой жизни я был никому не нужным сиротой. А теперь... мало того что помолодел на добрых двадцать лет, так еще и целую охапку любящих родственников получил в придачу. Чистая выгода!»

Укрепившись в этой мысли, он изо всех сил старался стать для отца и матери идеальным сыном. Правда, первые месяцы ему приходилось задействовать весь актерский талант,

накопленный за годы работы «мистиком-шарлатаном», чтобы его поведение не слишком выбивалось из привычной колеи. Все-таки сложно мгновенно превратиться из тридцатилетнего циника обратно в восторженного ребенка.

Потребовался целый год, чтобы в глазах родителей образ озорного сорванца окончательно сменился образом примерного дитя.

«Ну уж нет, больше я ни за что не пойду играть с этими грязными оборвышами, у которых сопли в три ручья текут!»

Проблема была в другом: в старом доме стало невыносимо скучно.

Отец с матерью целыми днями были погружены в свои дела, и на прогулки с сыном времени у них почти не оставалось. Одному же выходить за ворота Чжэн Чэнвэнь опасался — в его возрасте любой лихой человек представлял смертельную угрозу, а дать отпор он просто не мог.

Так и сидел он дома, слоняясь из угла в угол. Единственным развлечением было время от времени заглядывать к родителям в их рабочие комнаты или бесконечно изучать свой вновь обретенный «Золотой палец».

Спасибо небесам, его главный инструмент заработка из прошлой жизни переродился вместе с ним. Без этого подспорья Чжэн Чэнвэнь решительно не понимал, как выживать в эту эпоху.

Здесь ведь как заведено: «Всё прах, лишь ученье превыше всего».

Комиссия на государственные экзамены? Нет уж, увольте. В канонах и конфуцианской философии Чжэн Чэнвэнь разбирался как свинья в апельсинах. Его путь — это путь «мистика-шарлатана». С надежным «читом» под рукой куда приятнее быть ленивой соленой рыбой, чем грызть гранит науки. Магия и предсказания — вот его стихия. Обманывать... кхм, наставлять на путь истинный доверчивых прихожан куда веселее, да и денежки они несут охотнее!

К тому же, хоть он и переродился, судьба не наделила его участью принца, благородного господина или хотя бы классического «отброса» из клана, который всех победит.

Обе линии его родства — и по отцу, и по матери — состояли из обычных простолюдинов, которые отродясь не знали с вельможами. Семья даже дом, в котором жила, не имела — они его снимали! Маленький, тесный дворик с простой планировкой.

Этот дом был упрощенной версией классического сыхэюаня. В главном здании жили родители. В восточной пристройке располагался кабинет отца. Западную пристройку мать превратила в свою мастерскую, где иногда отдыхала. Восточный флигель раньше служил кладовой, но теперь его переделали в комнату для сына. Западный флигель разделили под кухню и уборную. Центр двора занимала общая комната, служившая одновременно столовой и

гостиной.

Родословная Чжэн Чэнвэня тоже не предвещала внезапных открытий в духе «потерянного наследника престола».

Отец был вечным кандидатом на экзамены. На жизнь он зарабатывал тем, что переписывал книги для книжных лавок, да изредка продавал свои каллиграфические свитки. Мать вела хозяйство, а в свободное время занималась вышивкой и шитьем в своей мастерской, помогая сводить концы с концами.

Дедушка и бабушка со стороны Чжэн жили в деревне. Они были слишком заняты пахотой и заботой о полях, да и цены в городке кусались, так что в гостях они бывали редко.

На самом деле Чжэн Чэнвэнь понимал: живут они неплохо. Даже после того как отец откладывал деньги на будущую поездку в Префектуру Линьянь для сдачи экзаменов, оставшегося вполне хватало на быт. Раз в несколько дней родители даже могли позволить себе сводить сына в приличный ресторан. По меркам простых людей — жизнь просто сахар.

Но Чжэн Чэнвэнь, вновь почувствовав силу своего «Золотого пальца», ощутил, как в нем пробуждаются амбиции.

Будучи «лучшим молодым специалистом» нового века, обладая невероятным даром и стоя на плечах титанов прошлого, разве он не сможет обеспечить родителям безбедную жизнь? Да это же проще простого!

Правда, прежде чем начать путь к вершине славы, нужно было как-то объяснить отцу и матери возможности своего «дара». В его нынешнем облике искать клиентов (или, как он их называл, «верующих») без помощи взрослых было невозможно. Ему нужны были их связи и возможность перемещаться по городу.

Как раз когда он размышлял о том, как бы половчее втереться в доверие к нужным людям, дверь в комнату скрипнула.

***

— Вэнь-эр, о чем ты опять задумался? Нечего в постели валяться, живо вставай, умывайся и иди завтракать.

Ху Баочжу вошла в комнату и, увидев сына, который в очередной раз лежал с отсутствующим видом, не удержалась от улыбки. Вид «маленького старца», погруженного в глубокие думы, всегда забавлял её.

Она присела на край кровати и легонько щелкнула сына по лбу.

— Давай-давай, поднимайся.

Чжэн Чэнвэнь почувствовал, как щеки предательски розовеют. С тех пор как он перестал водиться с местной детворой, он частенько проводил время вот так — глядя в потолок. Родители, конечно, решили, что их сын просто стал жутким лентяем и соней.

— Вэнь-эр думает о серьезных вещах! — Чжэн Чэнвэнь напустил на себя максимально важный вид. — Вот додумаю и всё расскажу тебе. И папе тоже.

Обретение «Золотого пальца» — событие планетарного масштаба, и вопрос о том, как преподнести его родителям, действительно ставил его в тупик. Ему было за тридцать, и необходимость капризничать и нежничать с женщиной, которая была едва ли на десять лет старше него «прошлого», до сих пор вызывала у него жгучее чувство неловкости.

Целый год он тренировался, но так и не привык до конца.

— Хорошо-хорошо, мы с папой подождем. Только не думай слишком долго, — Ху Баочжу едва сдерживала смех.

Её до глубины души забавлял этот серьезный, рассудительный тон сына. Подавив смешок, она взяла его за руку и подвела к тазу с теплой водой. Оставив его умываться, мать вышла из флигеля, напоследок ласково потрепав сына по плечу.

<http://bllate.org/book/17410/1646834>